

ТАЛНАХ-ДУМ

СЕМЁН СИДОРИН

Семён Сидорин

Талнах-Оум

<https://litres.ru/74505497>

SelfPub; 2026

Аннотация

В недрах железной горы Талнах, где прогресс питается жизнями рабов, а магия стали не знает пощады, зреет буря. Дарэн — бесправный подросток из касты Шлака, случайно пробудивший в себе запретную мощь Пустоты. Он — единственная угроза для тирании Никелевого князя и его амбициозного советника Рауга. Но Дарэн не один в этой битве. Лиара, дочь самого Рауга, ведет опасную двойную игру, рискуя жизнью, чтобы стать для юноши единственным якорем в реальности, пока тьма внутри него пожирает его память. В то же время в нижних ярусах под предводительством сурового Борга поднимается Гвардия изгоев — тех, кого считали отходами производства, а теперь стали его молотом. Сможет ли этот союз противоположностей сокрушить вековые устои Талнаха? И какую цену заплатит Дарэн, когда для спасения мира ему придется пожертвовать последними крохами своей человечности?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Семён Сидорин

Талнах-Оум

Глава 1

Талнах-Оум никогда не спал. Грандиозный город-завод внутри Железной горы пульсировал, словно сердце исполинского голема, заставляя вибрировать каждый камень, каждую кость в теле Дарэна. Гул паровых машин в Нижнем секторе был не просто фоновым шумом — он превращался в осязаемую тяжесть, которая давила на плечи сильнее, чем корзина с рудой. Дарэн закрыл глаза, пытаясь отгородиться от лязга поршней и свиста перегретого пара.

Бум. Шипение. Бум. Шипение.

Он считал удары сердца, стараясь подстроить их под ритм главной магистрали. Это был единственный способ не сойти с ума в этой душной темноте. Четырнадцать лет — возраст, когда другие мальчишки из Княжества Ветра, возможно, запускают свои первые планеры, но для «Шлака» из касты неприкасаемых время измерялось не годами, а количеством добытого антрацита и глубокими шрамами от магнитного ошейника.

Ржавый металл ошейника нещадно натирал шею. Дарэн чувствовал, как устройство едва заметно гудит, реагируя на

магнитные поля, пронизывающие шахту. Этот ошейник был символом «Стального Долга» — напоминанием о том, что даже его плоть и кровь принадлежат Никелевому князю. Стоило Дарэну на секунду замедлиться, как легкий электрический разряд прошивал позвоночник, заставляя мышцы сокращаться в болезненном спазме.

— Живее, отродье! — надтреснутый голос надсмотрщика Вариуса полоснул по ушам.

Дарэн не поднял головы. Он знал, что прямой взгляд может стоить ему дневного рациона воды. Вместо этого он крепче перехватил кирку. Его пальцы, огрубевшие и покрытые слоем угольной пыли, невольно коснулись потайного шва на лохмотьях, которые когда-то были рубахой. Там, в тесном убежище из ниток и грязи, покоился «теплый камень». Единственное сокровище, которое он нашел в обвале рудников Огненного пути и сумел пронести через все дозоры. Камень пульсировал мягким, едва ощутимым теплом, словно живое существо, обещавшее, что эта тьма не вечна.

— Я сказал: двигайся, кусок ржавчины! — Вариус, массивный мужчина в начищенных до блеска доспехах Магнитного Стража, с размаху ударил тяжелым окованным сапогом по старой опорной балке. — Вы, Шлак, совсем обленились. Если норма к вечеру не будет выполнена, я лично прослежу, чтобы вас отправили в Великий Котел на переработку!

Рабы вокруг вздрогнули. Слово «Котел» действовало луч-

ше любого кнута. Дарэн видел, как его напарник, старый жилистый раб по прозвищу Крот, лихорадочно заработал кайлом. Но звук удара Вариуса по балке оказался роковым. Старая древесина, источенная сыростью и вибрациями, издала протяжный, мучительный стон. Потолок шахты, и без того едва державшийся, отозвался сухим треском.

— Назад! — выкрикнул кто-то, но было уже поздно.

Свод туннеля начал оседать. Сначала посыпалась мелкая крошка, а затем огромные пласты породы начали отрываться от потолка, обрушиваясь вниз с оглушительным грохотом. Воздух мгновенно наполнился удушливой пылью, в которой крики людей смешались с воем сирен. Дарэн бросился в сторону, ища спасения под выступом скалы, но путь ему преградил Крот.

В глазах старика застыл животный, первобытный ужас. В этот миг в шахтах Талнаха не было места состраданию — только инстинкту выживания. Крот, обладавший удивительной для своего возраста силой, схватил Дарэна за плечи и со всей силы толкнул его назад, прямо в эпицентр обрушения.

— Прости, малый, — прохрипел старик, — но мне еще нужно увидеть солнце.

Дарэн упал на острые камни, и в следующее мгновение мир исчез под грудой серого гранита. Тяжесть была невыносимой. Его придавило, лишив возможности дышать. В легкие набилась пыль, а в ушах стоял издевательский звон, напоминающий гимн Талнаха. «Во славу никеля», — шептало

эхо в его гаснущем сознании. «Во славу долга».

Смерть была совсем близко. Она пахла озоном, горелым маслом и старой кровью. В этот момент, когда грани реальности начали размываться, «теплый камень» в его кармане вдруг раскалился добела. Но это не был жар огня. Это был холод — абсолютный, космический холод, который не обжигал, а выпивал саму суть тепла из окружающего пространства.

Дарэн почувствовал, как внутри него что-то лопнуло. Словно плотина, сдерживавшая океан чернил, рухнула, и первозданная мощь Пустоты хлынула в его вены. Это не была магия Металла или Огня. Это было отрицание существования как такового.

Волна черного сияния вырвалась из его груди. Она не оттолкнула валуны — она просто стерла их. Огромные глыбы превращались в тончайшую пыль, едва соприкоснувшись с призрачным маревом, окутавшим подростка. Иней, черный и колющий, мгновенно покрыл ржавый ошейник, замораживая саму его структуру до такой степени, что металл стал хрупким, как стекло.

Но за силу всегда приходилось платить. В тот момент, когда Пустота заполнила его разум, Дарэн ощутил резкую, вспыхивающую боль в самой глубине сознания. Что-то важное, что-то бесконечно дорогое оторвалось от его души и кануло в бездну.

Он попытался вспомнить лицо женщины, которая ко-

гда-то — целую вечность назад — делилась с ним последней коркой хлеба в рудниках. Она была единственным человеком, который смотрел на него с нежностью, а не с презрением. Он помнил ее голос, помнил тепло ее рук, но теперь... теперь на месте ее лица было лишь гладкое, серое пятно. Пустота сожрала это воспоминание, оставив лишь холодную ярость и горький привкус пепла во рту.

Дарэн открыл глаза. Он стоял посреди огромного кратера, образовавшегося в завале. Вокруг него царила странная, пугающая тишина. Гравитация в этом месте сошла с ума: мелкие инструменты, оброненные стражниками, медленно вращались в воздухе, притягиваемые к краям дыры невидимой силой. Его ошейник треснул и с негромким звоном упал на камни, рассыпавшись на тысячи ледяных осколков.

Свобода пахла кровью и магией.

Впереди, в глубине туннеля, раздался шипящий звук. Один из главных паровых клапанов был сорван обвалом, и теперь оттуда под огромным давлением била струя кипящего пара. Она перекрывала единственный путь к техническим лазам, через которые можно было выбраться на средние ярусы.

Дарэн сделал шаг. Его движения были странными, словно он заново учился управлять собственным телом. Он чувствовал, как остатки морозной энергии Пустоты все еще пульсируют в его ладонях. Когда он приблизился к свистящему пару, он не отступил. Он просто протянул руку вперед.

Черный иней пополз по воздуху, кристаллизуя влагу. Кипящая струя пара на глазах превратилась в причудливую ледяную скульптуру, застыв в безмолвном крике. Металлическая труба вокруг прорыва покрылась трещинами, скованная сверхъестественным холодом. Дарэн скользнул мимо, чувствуя, как его одежда цепляется за острые края обледеневшего железа.

Где-то вдалеке слышался лай механических гончих и ритмичный топот кованых сапог. Магнитные сенсоры Талнаха были чуткими — они уже зафиксировали всплеск запретной энергии, которой не должно было существовать в этом мире стали и пара. Ищейки Никелевого князя уже вышли на след.

Дарэн обернулся на мгновение, глядя в темноту шахты, где остался похоронен его «Стальной Долг» и часть его собственной души. Его взгляд, теперь холодный и острый, как обломок обсидиана, больше не выражал страха. Он не знал, кто он теперь — человек или сосуд для древнего Морока, — но он точно знал, что больше никто не назовет его «Шлаком».

Он нырнул в узкий технический лаз, исчезая в лабиринте труб и кабелей как раз в тот момент, когда первые лучи фонарей стражи разрезали мрак туннеля. Магия Пустоты внутри него затихла, свернувшись калачиком у самого сердца, готовая в любой момент проснуться и снова потребовать свою плату — его память, его чувства, его жизнь.

Талнах-Оум продолжал гудеть, но теперь в этом ритме Дарэн слышал не только работу машин. Он слышал шепот теней, зовущих его в глубину, и этот зов был слаще любого гимна.

Владычица Морей стояла перед Чашей Мирового Океана, и её взгляд, обычно спокойный и глубокий, сейчас напоминал застывшее стекло. В уединённом покое кораллового дворца Нириума всегда царило умиротворение. Стены из перламутра мягко мерцали, отражая свет биолюминесцентных губок, а воздух был пропитан ароматом морской соли и амбры. Здесь, в самом сердце своей власти, Мелиссара чувствовала каждый вздох океана, каждую пульсацию торговых путей. Но сегодня ритм мира был нарушен.

Вода в серебряном сосуде, служившем ей окном в реальность, внезапно перестала колыхаться.

Она не просто остановилась. Она начала менять цвет. Прозрачная лазурь, напитанная маной Мелиссары, за секунды превратилась в непроглядную, маслянистую черноту. Это не было похоже на обычное загрязнение или магическую атаку. Это было отрицание самой жизни. Из глубины чаши потянулся холод, настолько противоестественный, что Мелиссара невольно отшатнулась.

На поверхности воды выступила тонкая корочка льда. Лед был черным, как обсидиан, и острым, словно бритва. Он рос с пугающей скоростью, игнорируя законы физики и

магии. Тонкие иглы инея начали стремительно расплзаться по краям чаши, перекидываясь на мозаичный пол, выложенный из редчайших раковин. Каждый кристалл этого инея высасывал тепло из окружающего пространства, оставляя после себя лишь мертвую пустоту.

Мелиссара почувствовала, как её собственное тело отозвалось на эту аномалию.

«Платье Живых Течений», сотканное из магически удержанной воды, начало мутнеть. Струи, обычно весело переливающиеся на её плечах, замедлились, становясь вязкими и тяжёлыми. Она ощутила, как невидимые цепи сковывают её движения, а мана в жилах словно превращается в ледяную крошку. Это был холод Пустоты — древней силы, о которой она читала лишь в запретных свитках эпохи падения богов.

Она протянула руку к чаше, и кончики её пальцев коснулись ледяного налета.

Боль была мгновенной и ослепляющей. Это не был ожог холодом; это было ощущение, будто кусок её души вырывают щипцами. Мелиссара стиснула зубы, не позволяя крику сорваться с губ. В её памяти всплыли образы из легенд: тени, пожирающие города, и молчание, наступающее после того, как Пустота завершает свой пир.

— Зеркальная Гладь! — выдохнула она, вкладывая в слова остатки своей воли.

Вокруг чаши вспыхнуло синее сияние. Мелиссара сплела пальцами сложный узор, воздвигая барьер, который должен

был изолировать зараженную область. Магия Воды сопротивлялась, она не хотела соприкасаться с этим черным ничто, но воля Владычицы была непреклонна. Сияние уплотнилось, превращаясь в сферу, внутри которой ледяной налет метался, словно пойманный зверь, но не мог выбраться наружу.

Холод в комнате начал медленно отступать, оставляя после себя запах озона и горелой стали.

Мелиссара тяжело дышала. Она посмотрела на свои пальцы — кожа на них побелела и потеряла чувствительность. Источник этой вспышки был невероятно силен, и он находился не здесь. Она прикрыла глаза, настраиваясь на резонанс. Нити маны, пронизывающие мир, дрожали, указывая в одну сторону — на восток, туда, где в недрах железной горы пульсировало сердце Талнаха.

Рауг. Это его территория.

Мелиссара знала, что старый манипулятор из Агни-Дара что-то замышляет, но это превосходило любые её опасения. Пустота не была инструментом, который можно было приручить. Она была концом всего. Но она не могла открыто противостоять Раугу. «Долг Глубин», старое соглашение, скрепленное кровью и магией, жгло её изнутри, не давая нанести прямой удар по интересам советника.

Внутри неё бушевала буря, но лицо оставалось бесстрастным.

— Долг запрещает мне воевать с тобой, Рауг, — прошеп-

тала она в пустоту зала. — Но он не запрещает мне торговать.

На её плече зашевелился Флик. Крошечный кальмар, обычно нежно-розового цвета, сейчас стал ядовито-фиолетовым. Его щупальца тревожно подергивались, а большие глаза светились внутренним страхом. Он чувствовал неестественные вибрации, исходящие от запертой в сфере черноты. Флик выпустил маленькое облачко чернил прямо в воздух, пытаясь защитить свою хозяйку.

В дверях покоя появилась фигура.

Кайрос вошел стремительно, по привычке держа руку на поясе, где висел кинжал. Его кожа, потемневшая от соли, блестела в свете ламп, а на шее явственно выделялись шрамы-жабры. Он замер на пороге, увидев магическую сферу и иней на полу. Его ноздри расширились, улавливая запах, который он уже встречал раньше.

— Владычица, — голос Кайроса был хриплым. — Я почувствовал это еще в порту.

Он подошел ближе, не сводя взгляда с черного льда. Его рука непроизвольно потянулась к сумке на бедре, где лежал найденный им Осколок.

— Этот холод... — Кайрос замолчал, подбирая слова. — Он такой же, как у моей находки. Словно они зовут друг друга через сотни миль.

Мелиссара кивнула.

— Пустота пробудилась в Талнахе, Кайрос. Рауг играет с силами, которые не понимает. Или, что еще хуже, понимает

их слишком хорошо.

Кайрос сделал шаг вперед, и в его глазах вспыхнул дерзкий огонек, который Мелиссара так ценила.

— И что мы будем делать? Ждать, пока лед покроет океан?

— Нет, — Мелиссара выпрямилась, и её платье снова заструилось, возвращая себе прозрачность. — Ты отправишься в Талнах-Оум. Прямо сейчас.

Кайрос удивленно поднял бровь.

— В самое пекло? Магнитные стены Талнаха не самое гостеприимное место для ныряльщика из Нириума.

— Ты отправишься туда официально, как глава торговой миссии, — она подошла к нему вплотную, и её голос стал тише. — Мы предложим Никелевому князю эксклюзивные поставки кораллового стекла. Это лазейка в моем договоре с Раугом. Торговля — это не война.

— Но моя настоящая цель не стекло, — догадался Кайрос.

— Твоя цель — найти источник этого холода. Носителя. Это должен быть человек, Кайрос. Сила такого масштаба нуждается в сосуде. Найди его раньше, чем ищейки Рауга сожмут на его шее свои кандалы.

Кайрос нахмурился, вспоминая карту княжеств.

— Талнах-Оум закрыт для внешних судов. Мне придется идти по речному каналу до внешних шлюзов, а потом пересаживаться на караван «Связанных». Это займет время.

— У тебя его мало, — Мелиссара протянула руку и кос-

нулась его плеча. — Возьми это.

На её ладони лежал небольшой осколок коралла, пульсирующий мягким, ритмичным светом.

— Это резонирующий камень. Он настроен на магию Океана. Если ты окажешься рядом с Пустотой, он начнет вибрировать. Он поможет тебе выследить след даже в дыму кузниц Талнаха.

Кайрос взял коралл, чувствуя его живое тепло.

— А как же наш союз с Агни-Даром? — спросил он, пряча артефакт. — Если Рауг узнает, что я там...

— Наш союз — это ширма, за которой Рауг прячет свои амбиции, — Мелиссара горько усмехнулась. — Иди в порт. Мой личный корабль уже готовят к отплытию. Золота в трюмах хватит, чтобы купить лояльность любого инспектора на границе.

Кайрос коротко поклонился. Флик на его плече сменил цвет на оранжевый — знак готовности к охоте.

— Я найду его, Владычица. Кем бы он ни был.

Он развернулся и быстро вышел из покоев. Его шаги гулко отдавались в тишине дворца. Мелиссара проводила его взглядом, чувствуя, как внутри неё снова шевелится ледяная тревога.

Она знала: мир уже никогда не будет прежним.

Владычица снова повернулась к Чаше Мирового Океана. Черный лед внутри сферы продолжал пульсировать, и ей казалось, что из самой глубины этой черноты на неё смотрит

кто-то чужой. Кто-то очень молодой, испуганный и бесконечно могущественный.

— Держись, мальчик, — прошептала она, касаясь прозрачной преграды барьера. — Если ты сгоришь в этой тьме, мы все последуем за тобой.

За окном дворца океанские волны с грохотом разбивались о коралловые рифы, но в этом шуме Мелиссара теперь слышала лишь звон разбивающегося льда.

В кабинете Рауга стоял непрерывный, давящий на уши гул. Это был не просто шум огромного города-завода, пульсирующего за стенами, а симфония бюрократического хаоса. Пневмопочта работала на пределе возможностей: медные трубки, опутывающие стены подобно венам гигантского стального чудовища, то и дело изрыгали раскаленные капсулы. Они вылетали из приемников с резким шипением, ударялись о кожаные ловушки и дымились, распространяя запах перегретого масла и жженого озона.

Лиара стояла в тени тяжелого книжного шкафа, прижав ладони к груди. Ее тело казалось зыбким, словно отражение в беспокойной воде — магия «Мерцающей тени» работала исправно, искривляя свет вокруг нее и превращая девушку в едва заметное марево. Она почти не дышала. Воздух в кабинете отца всегда был тяжелым, пропитанным ароматом серы и дорогого табака, но сегодня к нему примешивалось нечто иное. Нечто острое, ледяное, заставляющее волосы на ру-

ках вставать дыбом.

Вдруг Лиара вздрогнула. На полках рядом с ней древние чертежи, свернутые в тугие свитки, начали мелко вибрировать. Старая бумага и пергамент, пережившие столетия, издавали сухой, шелестящий звук, словно пытались заговорить. Вибрация шла не от пола и не от машин. Она шла откуда-то из глубины самой реальности, откликаясь на далекое, едва уловимое эхо, которое только что прокатилось по жилам Талнаха.

Рауг сидел за массивным столом из вороненой стали. Его пальцы, длинные и тонкие, привычно вращали черную обсидиановую монету. Он не смотрел на капсулы пневмопочты. Его взгляд, холодный и расчетливый, был прикован к дверям.

— Входи, Вариус, — произнес он тихим, вкрадчивым голосом, который перекрыл гул машин. — Я чувствую твой металл еще с нижних ярусов.

Тяжелые двери распахнулись с лязгом. В кабинет вошел Вариус. Его магнитные доспехи, идеально отполированные и сросшиеся с телом в единый механизм, издавали низкий, едва слышный гул. Забрало было поднято, открывая суровое, лишенное эмоций лицо офицера. В руках он держал металлический поднос, на котором лежал бесформенный кусок горной породы.

Лиара увидела, как Вариус осторожно поставил поднос на стол перед Раугом. Офицер выглядел встревоженным —

редкое зрелище для человека, чьи нервы были заменены стальными тросами.

— Сектор три-ноль-девять, — коротко отрапортовал Вариус. — Обвал был зафиксирован десять минут назад. Но это не просто смещение пластов, советник. Посмотрите.

Рауг наклонился вперед. Лиара, рискуя выдать себя, подалась чуть ближе. То, что она увидела, заставило ее сердце пропустить удар. Кусок камня на подносе прямо на глазах начал меняться. Его края размывались, теряя твердость, а по поверхности поползли странные черные кристаллы, похожие на иней. Но это был не лед. От камня не исходил пар — он просто рассыпался в мелкую, абсолютно черную пыль, которая не отражала свет.

Это была пустота в чистом виде. Отсутствие материи.

— Пыль богов, — прошептал Рауг. Он протянул руку, и обсидиановая монета в его пальцах внезапно раскалилась, испуская тонкую струйку едкого дыма. — Вариус, ты понимаешь, что это значит?

— Магнитные сенсоры сошли с ума, — голос офицера звучал сухо, как треск ломающегося железа. — Всплеск энергии не принадлежит ни к одному из Пяти Путей. Мои люди в панике. Они говорят, что шахта «вздохнула холодом».

Рауг резко встал, смахнув капсулы со стола. Его глаза лихорадочно блестели. Он взял одну из бумаг, выплюнутых пневмопочтой — отчет о рабах, работавших в том секторе.

— Посмотри на этот иней, Вариус, — Рауг указал на тающую черную пыль. — Это не просто магия. Это смерть богов. Это сила, которая была заперта тысячи лет, пока мы ковырялись в земле, пытаясь оживить жалкие остатки древних технологий.

— Это опасно, господин советник, — Вариус качнул головой. — Если эта сила вырвется на свободу, Талнах-Оум превратится в братскую могилу. Конструкции горы не рассчитаны на такие... аномалии.

Рауг усмехнулся, и эта улыбка была страшнее его гнева. Он провел пальцем по списку имен, пока не остановился на одной строчке. Лиара увидела пометку: статус «Шлак». Нижайшая каста. Отработанный ресурс.

— Пусть нижние ярусы рушатся, Вариус. Пусть вся эта железная гора сложится, как карточный домик. Если этот раб — тот, кого я ждал, он стоит больше, чем весь Талнах со всеми его големами и князьями.

Лиара почувствовала, как по спине пробежал холод. Ее отец, всегда такой рассудительный и преданный порядку, сейчас говорил о разрушении их дома с почти религиозным восторгом. Он не видел в Дарэне человека — только ключ к безграничному могуществу.

— Ты должен найти его, — Рауг схватил Вариуса за наплечник, и когти на его перчатках со скрежетом полоснули по металлу. — Любой ценой. Приведи его ко мне живым. Если он сопротивляется — используй магнитные оковы. Ес-

ли ищейки Талнаха его почуют — убей ищейек. Мальчик должен принадлежать мне.

— Но закон Стального Долга... — начал было Вариус, но Рауг перебил его рычанием.

— Забудь о законах! Мы построим новый мир на обломках старого. Мир, где не будет нужды в угле, мане или милости Солнца. Иди! И не возвращайся без него.

Вариус коротко кивнул, его забрало со щелчком опустилось.

— Во славу никеля, — глухо произнес он, хотя в его голосе не было привычной гордости.

Когда тяжелые шаги офицера стихли в коридоре, Рауг вернулся в кресло. Он смотрел на черную пыль, которая уже почти полностью исчезла, оставив после себя лишь крошечную дыру в стальной поверхности подноса. Его пальцы продолжали крутить монету, и запах гари становился все сильнее.

Лиара медленно отступила назад, стараясь не задеть ни одну из трубок пневмопочты. Ее магия мерцала, истощаясь от напряжения. Она видела жадность в глазах отца — жадность, которая не оставит места для жалости. Она видела отчет: четырнадцатилетний подросток, клейменный как мусор, теперь стал самой ценной добычей в империи.

— Ты не получишь его, папа, — прошептала она одними губами, зная, что он не услышит.

Она выскользнула из библиотеки, едва не столкнувшись с

очередным курьером. Коридоры Талнаха казались ей теперь не защитными стенами, а тесной клеткой. Если Дарэн — тот, о ком говорили древние свитки, то в руках ее отца он станет концом всего сущего.

Лиара почти бежала по жилым ярусам, проскальзывая мимо патрулей. В ее голове пульсировала одна мысль: она должна добраться до нижних секторов раньше, чем «Магнитные Стражи». Она должна найти этого мальчика, который даже не подозревает, что за его душу началась война.

Ворвавшись в свои покои, она сорвала с себя серый плащ. Ее руки дрожали, когда она потянулась к спрятанному в нише резному ларцу. Внутри лежал резонирующий кристалл — ее единственная связь с запретными знаниями, которые она собирала по крупицам.

— Помоги мне найти его, — прошептала она, сжимая холодный камень. — Пока темнота не поглотила нас всех нас.

За окном-иллюминатором Талнах-Оум продолжал жить своей механической жизнью: гудели прессы, плавился металл, а тысячи рабов считали удары своих сердец, не зная, что само сердце мира только что дало трещину.

Ритм.

Все в этом проклятом месте сводилось к нему. Тяжелые, глухие удары кирок о неподатливую плоть горы создавали удушливый резонанс, от которого ныли зубы и вибрировали кости. Дарэн чувствовал этот звук каждой клеткой своего

изможденного тела.

В забое сектора 4-Г воздух был настолько густым от угольной пыли и масляных испарений, что его, казалось, можно было резать ножом. Единственным источником света служили тусклые биолюминесцентные лампы, развешанные вдоль стен, их мертвенно-зеленое сияние превращало людей в тени, а тени — в чудовищ.

Дарэн замахнулся в очередной раз. Его руки, покрытые сетью застарелых шрамов и свежих мозолей, едва слушались.

— Давай, ржавчина тебя дери, — прохрипел он сам себе, чувствуя, как пот заливает глаза.

Перед ним в стене зияла странная жила. Она не походила на привычное железо или медь. Это был минерал абсолютно черного цвета, лишенный всякого блеска, словно в самой скале кто-то вырезал дыру в иное пространство. Свет ламп не отражался от него, а словно проваливался внутрь, затухая навсегда.

Он снова ударил.

Металл кирки коснулся черной поверхности, но вместо ожидаемого звона и искр последовала мертвая тишина.

Дарэн замер, не веря своим глазам. На его глазах тяжелое стальное навершие кирки, выкованное в лучших мастерских среднего яруса, начало менять структуру. Оно не раскололось. Оно просто рассыпалось в серый, безжизненный прах, который тут же был поглощен черной жилой.

В руках у мальчика осталась лишь обломанная деревянная рукоять.

— Что за... — голос Дарэна сорвался на шепот.

Пустота. Это была она. Та самая сила, о которой шептались старики в бараках, когда стража не слышала. Тайна, за которую убивали.

— Эй, шлак! Почему работа стоит? — раздался над ухом резкий, как удар хлыста, голос.

Надсмотрщик из «Связанных» возник из тени, словно голем. Его доспех, покрытый медью, тускло мерцал, а глаза за прорезями шлема светились недобрым янтарным огнем. В его правой руке была зажата магнитная плеть — страшное оружие Талнаха, способное вызывать судороги даже в стальных протезах.

— Кирка... она просто исчезла, — Дарэн поднял обломок черенка, показывая его надсмотрщику.

— Ты сломал казенное имущество, ворюга? — надсмотрщик сделал шаг вперед, и воздух вокруг него загудел от магического напряжения. — Решил, что если ты «шлак», то тебе все сойдет с рук?

— Я не ломал её! Посмотрите на стену! — Дарэн указал на черную жилу, но для надсмотрщика это не имело значения. Щелк.

Магнитная плеть с шипением развернулась в воздухе, рассыпая синие искры. Дарэн зажмурился, ожидая удара, который вывернет его мышцы наизнанку. Он знал эту боль. Она

не просто ранит кожу — она проникает в нервы, заставляя тело предавать своего хозяина.

Удар обрушился, но Дарэн почувствовал лишь резкий порыв воздуха.

— Хватит с него, мастер, — раздался спокойный, хриплый голос.

Дарэн открыл глаза. Перед ним, закрывая его своей костлявой спиной, стоял старик Элвин. Его лицо, исчерченное морщинами и вьевшейся угольной пылью, было абсолютно неподвижным. На шее старика, под ржавым ошейником, был повязан крошечный лоскут розовой ткани — платок его внучки Миры, единственный яркий мазок в этом сером аду.

Плеть обвилась вокруг предплечья Элвина. Старика тут же затрясло от мощного электрического разряда, его зубы лязгнули, а пальцы судорожно сжались, но он не издал ни звука.

— Отойди, старая рухлядь, если не хочешь в котел раньше времени! — взревел надсмотрщик, дергая плеть на себя.

Элвин пошатнулся, но устоял. Его глаза, обычно добрые и чуть слезящиеся, сейчас смотрели на стражника с пугающим безразличием.

— Парень не виноват. У него в руках был старый инструмент, — Элвин тяжело дышал, его голос вибрировал от боли. — Я отдам за него свою норму. Запишите на мой номер.

Старик протянул стражнику свою жетон-карту, на которой уже была выбита дневная выработка. Это означало, что

сам Элвин останется сегодня без пайки и без сна, пытаюсь выполнить двойной план.

— Элвин, нет... — Дарэн попытался схватить его за руку, но старик лишь слегка толкнул его в сторону, давая знак молчать.

Надсмотрщик выхватил жетон, злобно сплюнул на пол и ударил по магнитному пультау на своем поясе. Плеть свернулась, оставив на руке Элвина дымящийся ожог.

— Чтобы к концу смены жила была вскрыта, — прошипел «Связанный», уходя в темноту. — Иначе я лично контролирую, как вас будут перерабатывать в эссенцию.

Тишина, воцарившаяся после его ухода, была тяжелой, как могильная плита.

Дарэн посмотрел на свои пустые ладони, потом на Элвина. В горле стоял ком. Почему этот человек, потерявший все, продолжал защищать его, обычного мальчишку-раба?

— Почему? — только и смог вымолвить он.

Элвин устало опустился на ящик с инструментами. Он бережно поправил свой розовый платок, словно тот был величайшей драгоценностью империи.

— Потому что ты еще помнишь, как пахнет ветер, Дарэн, — тихо сказал старик. — А я уже забыл. Не дай им выжечь это из тебя.

В этот момент где-то наверху раздался тонкий, пронзительный свист.

Дарэн поднял голову. Над их головами, переплетаясь в

безумном узле, тянулись магистральные трубы паровой системы. Один из манометров, прикрепленный к массивной заклепке, внезапно начал бешено вращаться. Стрелка зашкалила, ударяясь о ограничитель с металлическим звоном.

Стекло лопнуло.

С жутким треском из сорванного клапана вырвался не пар, а густое облако ледяного конденсата. Оно не было горячим — оно обжигало холодом. Кристаллики инея мгновенно покрыли стены забоя, превращая железную руду в сверкающее кружево.

— Назад! Ложись! — крикнул Элвин, толкая Дарэна на землю.

Но Дарэн не мог пошевелиться. В тот момент, когда ледяной туман коснулся его кожи, в его голове что-то изменилось.

Гул.

Это был не шум машин и не грохот обвала. Это был низкий, вибрирующий звук, похожий на песню кита в бесконечном океане. Он шел не снаружи, а изнутри, из того самого места под ребрами, где Дарэн прятал свой «теплый камень».

«Пробудись...»

Слово не было произнесено, оно было почувствовано. Это был Морок. Древнее сознание, дремавшее тысячи лет, ото-звалось на близость Пустоты в стене. Дарэн почувствовал, как его зрение становится необычайно острым. Он видел каждое движение молекул в замерзающем воздухе. Он ви-

дел, как энергия течет по трубам, как мана пульсирует в ошейниках рабов.

Гул усиливался, превращаясь в рев.

Дарэн ощутил, как его собственные мысли начинают ускользать, пожираемые этой черной симфонией. Лицо Элвина, его розовый платок, воспоминания о вчерашнем хлебе — все это стало казаться далеким и неважным. Осталась только сила. Холодная, абсолютная, манящая.

— Дарэн! Вставай! — Элвин тряс его за плечо, но его голос доносился словно из-под толщи воды.

А потом гора вздохнула.

Это не было обычное сотрясение. Своды шахты вздрогнули так, будто великан решил повернуться на другой бок. Мелкие камни посыпались с потолка, разбивая лампы. Тьма начала заполнять сектор, но для Дарэна она была ярче любого света.

Вибрация нарастала. Она была ритмичной. Она была живой.

Дарэн посмотрел на черную жилу в стене. Теперь она не просто поглощала свет — она пульсировала в такт его сердцу. С каждой секундой трещины в потолке становились все шире, и стальные подпорки, не выдерживая чудовищного давления, начали выгибаться с пронзительным стоном.

— Обвал! — истошный крик Элвина стал последним, что Дарэн слышал в мире людей.

Гора пришла в движение. Стены сектора 4-Г начали схло-

пываться, превращаясь в каменную ловушку. Дарэн стоял неподвижно, глядя на то, как первая глыба руды срывается с высоты, направляясь прямо на них.

В его ушах все еще звучал гул Морока. И этот гул обещал спасение ценой всего, что он любил.

Мир вокруг него начал разрушаться, погружаясь в хаос, который он сам, того не ведая, только что призвал из небытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.